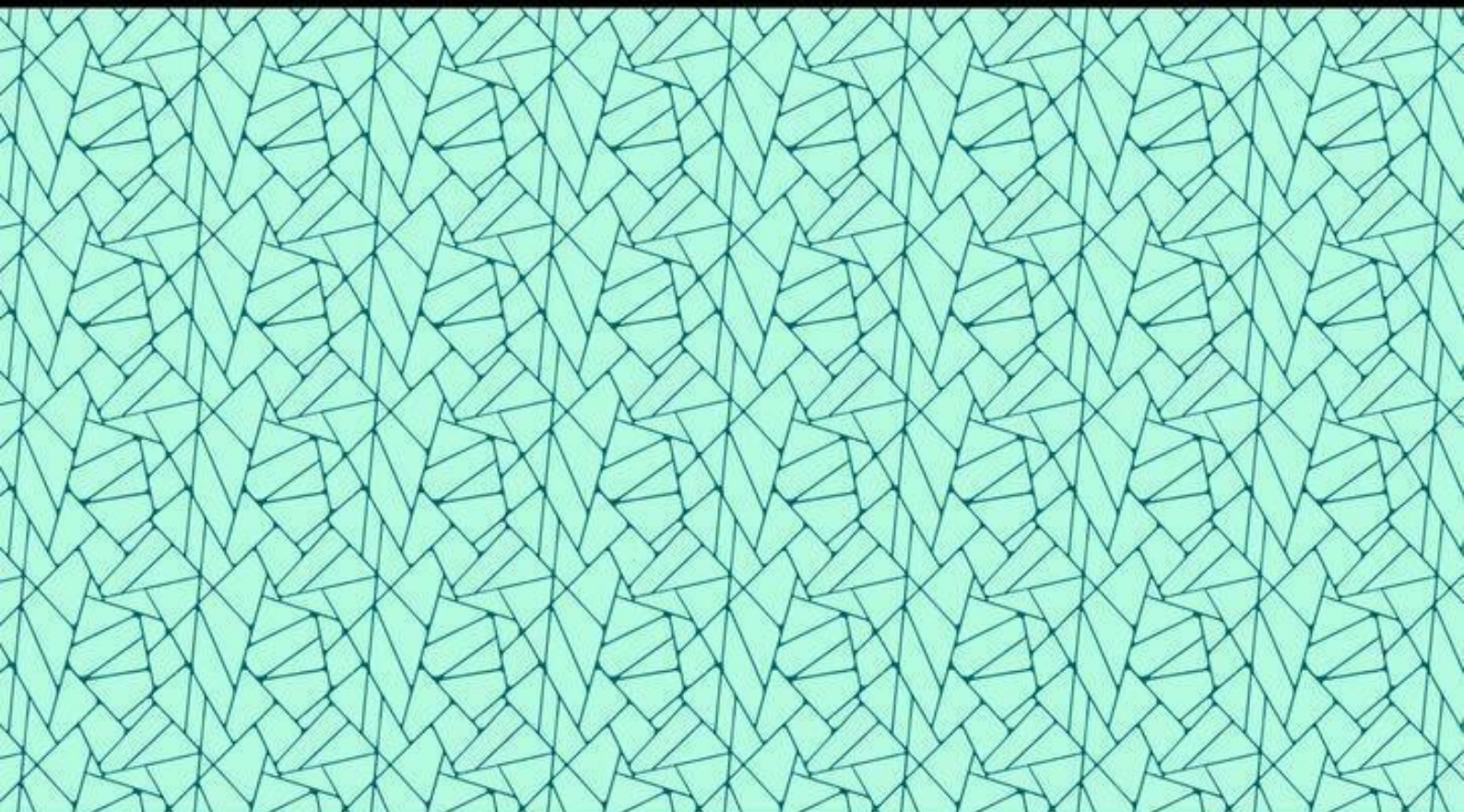

18+

Дедлил Осстеррайх

ДАЙДРОС — ТЕХНОЛОГИИ ИЛИ МАГИЯ

Технологии или магия

Дедлил Осстеррайх

**Дайдрос — технологии или
магия. Технологии или магия**

«Издательские решения»

Осстеррайх Д.

Дайдрос — технологии или магия. Технологии или магия /
Д. Осстеррайх — «Издательские решения»,

Мир в очередной раз навернулся медным тазом, и если первый раз был с нападением сил бездны, то на этот раз напала биологическая зараза, превращающая когда то людей в монстров и чудовищ, жаждущих заражать и поглощать. Все это хоть и очень важно и масштабно, но... Ксайрокс наконец-то выпался. Выйграв эту жизнь в биологической и ресурсной лотерее, он не испытывает классических проблем с едой, Водой и оружием, свойственных прочим выживальщикам. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Table of Contents	6
Annotation	7
Дайдрос — технологии или магия	8
Глава 1. «Собирательство»	9
Глава 2. «Покупки и драки»	13
Глава 3. «Дневник»	16
Глава 4. «Хмм, яблоки.»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дайдрос — технологии или магия

Технологии или магия

Дедлил Осстеррайх

© Дедлил Осстеррайх, 2026

ISBN 978-5-0071-3558-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Table of Contents

Annotation

Итак, ты устроил в мире апокалипсиса надежное убежище и хорошее оружие, нашел артефакты облегчающие жизнь и обеспечил приличный уровень комфорта. Теперь тебя ждет нечто интереснее и страшнее чем мутанты, радиация токсины или рейдеры. Имя ей — госпожа скука. Как ты с ней справишься?

-
- Глава 1. «Собирательство»
- Глава 2. «Покупки и драки».
- Глава 3. «Дневник»
- Глава 4. «Хмм, яблоки.»
- Глава 5. «Гости и печенки»
- Глава 6. «Почему бы не...»
- Глава 7. "... Написать книгу?»
- Глава 8. «Стволы и стебли»
- Глава 9. «Пирожки и пацан»
- Глава 10. «Новые записи. Попытка 2»
- Глава 11. «Важный критик»
- Глава 12. «Микро часть, неважная часть.»
- Глава 13. «Редакция»
- Глава 14. «Первые исследования»
- Глава 15. «Псевдофинал»

Дайдрос — технологии или магия

Глава 1. «Собирательство»

Проснувшись, я размялся, и, натягивая белье, пошел ставить чайник для чая. Сегодня много дел, поэтому неплохо было бы позавтракать.

Деревянные часы на серо-зеленой стене показывали восемь утра, а на веревке только что закончили сохнуть вещи.

Меня зовут ксайрокс или, если пользоваться древними источниками орфографии, сайрес. Я один из одиноких. Так называют всех тех кто живёт вне городов, что называются «пентаграммы». Кто я вообще такой? Я белый мутант храма кедра. Так зовут намеренно генномодифицированных людей что были созданы не из-за паразитов и мутаций, о которых расскажу позже, а путем изменения днк на этапе зачатия. Мутации бывают самые разные, лично я имею следующий набор «модификаций»: тело обычного человека как основу, лисьи ушки что располагаются выше чем человеческие и заменяют последние, лисий хвост чей скелет продолжает позвоночник на пару позвонков и имеет сложный пластинчатый скелет и как основной бонус перистые алые крылья размахом 220 сантиметров при моем росте в 171. А, ну и жабры в ключицных впадинах. Как они туда анатомически влезли — незнаю, но оно работает.

Я задумывался как почтальон и посол между государствами старого мира, поэтому возможность летать на больших, просто огромных скоростях и дышать под водой для кого то моей должности было просто невероятно важным преимуществом. Я мог всего за неделю преодолеть путь, на который по хорошему ушел бы месяц-другой у нормального конного посла. Впрочем когда грянул апокалипсис и государства перестали быть чем то влиятельным, а говоря прямо, в большинстве своем и вовсе развалились, я лишился должности по ясным причинам. И ни о чем не жалею.

В списке дел было пополнить мою библиотеку, поэтому после завтрака мой путь лежал к «читателю бездны», то есть антикварно-книжному магазинчику на окраине квартала где когда то жили эльфы. Его хозяин, старый эльф, слишком медленно собирался в безопасное место. Дверь была выломана снаружи, и её обломки явно служили последним орудием защиты неудачливого торговца. На полу — давно высохшее бурое пятно и ключья серебряных волос. Мутанты не утруждают себя уборкой, и им очевидно чужды манеры. Надеюсь они все также не особо умны.

Полки были почти нетронуты. Кого в апокалипсисе интересуют пыльные фолианты? Меня. Мой цепкий взгляд сразу выхватил то, за чем я пришел: «Основы големной механики» в идеальном переплете и рукописный дневник какого-то инженера дворфа с чертежами гидравлических систем. Я аккуратно сложил их в бездонный магический мешочек на поясе. Заодно забрал все что не приколочено: книги летели в мешок, фолианты шелестели сверху, а я не шибко смотрел на названия отдельных трудов. Не зря слетал. Вообще магический мешок это наипрекраснейшая штука. не зря грабил королевское хранилище в покинутом дворце, хотя после того еще полгода восстанавливался от почти смертельной передозировки стрел и пуль от банды рейдеров.

На обратном пути я летел низко, почти касаясь вершин деревьев мертвого леса. Главное тут деревья крыльями не чиркнуть... Когда-то эти колья цвели и зеленели. Теперь они молчаливые, почерневшие обелиски самих себя. Зачем вообще храм березы создал этот мутаген? Разве не было бы проще просто выращивать в лабораториях кровожадных чудовищ и использовать их в битвах? Хотя кто их знает, этих учёных. Как создадут что то, так и начинается новая эпоха.

Мой дом не был крепостью. По крайней мере в прямом смысле. Это была смотровая вышка с бункером на одиноком утесе, нависающем над бурной рекой. Когда-то здесь эльфийские дозорные следили за лесом и хранили свои запасы. Теперь лес следил за мной. Взаимно.

Я подлетел к самой скале и нашел почти невидимый глазу выступ. Легкое нажатие — и каменная глыба с тихим скрежетом отъехала в сторону, открывая узкий проход. Технологии гномов, которые я подсмотрел и восстановил. Просто, грубо, но эффективно. добро пожаловать домой.

Внутри пахло старыми книгами, сушеными травами и камнем, а также вином, антиквариатом и... сыром? Наконец то получилось из молока сделать чертов сыр! Я зажег кристальную гирлянду под потолком, поставил чайник взятый из какого то людского дома и взял гномий паек. Хоть и ходит мнение что гномы не едят ничего кроме грибов и только что и умеют что ковыряться в породе, но на самом деле это враньё. Их технологии и пайки, взятые со склада летом, никогда меня не подводили и были очень вкусными. Хоть и состав был: «грибы, вода, соль, возможно рыба». Жаль что легендарное дворфское пиво за эти 2 года апокалипсиса достать не удалось.

Стены моей крепости состояли из бетона, обитого древесиной или плиткой для уюта и тепла. Он имел парочку комнат и бесчисленные полки с трофеями на складе. В моей библиотеке, в которую я трепетно собирал все книги которые мог найти, было много экземпляров. Детские сказки, романы, чертежи, манускрипты магии, технические руководства. На других полках лежали прочие интересные находки: фигурки персонажей каких то произведений, кассеты с музыкой и музыкальные проигрыватели к ним, магнитофон и коллекция виниловых пластинок, кольца в обручальных коробочках, мини-големы которые сейчас свернулись в блоки, заряжаясь, и даже виниловый проигрыватель с иглой. Разряженный ноутбук, канистра с десятком литров бензина для розжига. В отдельной комнате камин, кровать и письменный стол.

После еды нужно пополнять запасы. Я вышел на открытую площадку на вершине башни. Отсюда был виден мертвый лес, извилистая лента реки и зубчатые стены ближайшей Пентаграммы. Дымок из труб говорил о жизни там. Я расправил крылья, почувствовал упругий ветер и толкнулся от края. Пасмурное небо было прекрасным — серым, с тучами и глубокими бороздами света. Я нырнул вниз, к кромке леса.

На опушке я приземлился бесшумно. Уши наострились, улавливая каждый шорох. Чисто. Достал топор с усиленной рукоятью (Зверо-людская работа). Несколько точных ударов, и сухостой рухнул. Магический мешок поглотил бревна. Далее — взгляд на землю. Целебные травы, грибы, ягоды. Все полезное аккуратно срезается и отправляется вслед за дровами. Работа автоматическая, почти медитативная и крайне приятная.

На обратном пути я увидел дым. Не из Пентаграммы, а дальше. черного, жирного дыма с востока. Значит, еще одна группа не сумела удержать свой форпост. Люди с их электричеством, эльфы с големами, гномы с гидравликой, зверолюди с паром — все были сильны по-своему. Но мутаген оказался сильнее. Он не просто убивал. Он менял, приспособливал, творил что-то новое и ужасное. И они эволюционировали. Становились быстрее, хитрее. Стаи теперь возглавляли вожаки, похожие на искаженных полу-эльфов полу-самосвалов. Ныне заражённые крайне отдаленно напоминали тех, кем когда то были, являясь гротескными, уродливыми и страшными тварями со сломанной Анатомией.

Вернувшись, я активировал простейшего голема-носильщика — просто тренога с платформой. Разгрузил мешок в подвале, который давно превратил в склад. Здесь царил идеальный порядок: ящики с провизией, бочки с водой, поленицы дров, стеллажи с инструментами, рудами, деталями. Ничего необычного.

В морозилке не хватает мяса. Пора на охоту.

Снова в небо. Теперь я летел дальше, в глубь леса, где еще могла водиться дичь и не водится мутантов. Мои уши уловили шорох. Опустившись пониже, я увидел оленя. Нет, не оленя. Существо, бывшее когда-то оленем. Рога были кривыми и покрытыми наростами, из глаз сочилась черная жижа, но мясо на крупе казалось чистым. Оно почуяло меня и рвануло прочь с неестественной для копытного скоростью.

Мне не нужна была погоня. Я набрал высоту и спикировал, как коршун, вонзив острый клинок прямо в основание черепа твари. Быстро и без мучений. Разделка — дело нескольких минут. Опытная работа острым ножом: шкура (пойдет на выделку), мясо (главная добыча), внутренности (на приманку и удобрения). Все в отдельные мешочки.

Ничего не оставлять. Ни капли крови. Запах мог привлечь не тех, кого нужно, хоть это и довольно отдаленные места.

Я летел обратно с тушей на спине, и снова накатили мысли. Мы, расы, всегда гордились своим различиями. Соревновались, кто изобретет нечто лучшее. Эльфы — красоту и магию, гномы — надежность и мощь, люди — универсальность, зверолюди — силу. Мутаген стер эти различия. Теперь мы все в одной лодке. А мутанты... они становятся чем-то единым, новой «расой» этого мира. Более приспособленной чем все кто был до них.

Почему пентаграммы имеют такое название? название таким городам дано за странную звездо-подобную форму улиц, что при диаметральном периметре было легче и эффективнее все реализовать и использовать. Среди таких как я кого только нет. Преступники, просто невезучики, психопаты, сомнительные торговцы, иногда сумасшедшие учёные, что либо ищут способы лечения от заражения мутантов, либо просто служат генераторами случайных идей с жизнью подопытных не совместимых, и на последнее рейдеры и бандиты всех цветов и размеров. Единственное место где можно купить что то более менее качественное это как раз таки пентаграмма, так как там все еще есть что то вроде заводов или хотя бы мастерских. Впрочем, у меня всего хватает, так что не сегодня. Не-не-не, вы их ценники видели? Там на условном помповом дробовике может спокойно висеть ценник «20 кг красного дерева + клыки крокодила 35 шт». И это мы посреди континента среди гор и тайги.

Хотя можно ли считать мутантов людьми тоже хороший вопрос, ибо смотря на многих появляется мысль «это точно не хомо сапиенс!», ибо часто эти твари выглядят как нечто среднее между Ктулху, слендерменом и сломанной марионеткой: тонкие и непропорционально длинные тела с множеством лишних выбулгов или конечностей. Хотя все индивидуально — каждый мутант обладает своим набором органов, конечностей и способностей, имея главную общую особенность в шипе-жале. Если такой вонзится в плоть, то жертва заразится и если не умрет от жара и бреда мутирует. Его сознание изменится, и он неприменно оценит плюсы такого заражения и мутаций. Потом у него отрастут пара дополнительных конечностей, которые зараженный будет считать вершиной эволюции. А потом он неизбежно оценит и вкус человеческого мяса, органов и кожи в сыром, вареном и каком угодно виде. На следующий год мутант уже лишь отдалённо напоминает человека и уж точно им не является.

Кстати о мешочке на поясе: его вместимость 230 кг, но он всегда весит 2 кг и размером с блокнот, независимо от уровня наполнения. и сколько ты этот мешочек не бей, содержимое не пострадает.

Вода в каменной купели, нагретая огненной руной, была роскошью, которую я себе позволял. Я скинул запачканную одежду и залез в нее с наслаждением. Я редко видел себя в зеркале, но сейчас поймал собственное отражение в гладкой поверхности медного таза. Худое, но жилистое тело, испещренное старыми шрамами — не лучшая память о внезапных встречах.

Бледная кожа, почти не видевшая солнца из-за постоянного покрытия одеждой. Крылья сейчас были сложены, и перья, цвета бурого меда, от воды потемнели и слиплись. В ключичных впадинах виднелись жаберные щели, которые под водой сами собой открывались и закрывались. Влажные рыжие волосы прилипли ко лбу, на котором торчали два лисьих уха, сейчас прижатых к голове. Я провел рукой по лицу, смывая пыль и кровь, и взгляд упал на хвост.

Рыжий, пушистый, он обычно вился за спиной уверенным завитком, а сейчас был мокрый и тяжелый, бессильно болтаясь в воде. Я намылил его с тем же тщанием, что и все остальное, не хотелось обзавестись вами да и гигиену никто не отменял.

Я закрыл глаза, погрузившись в тишину и тепло, прислушиваясь лишь к мерному стуку капель с кончиков крыльев о камень. Завтра новый день.

Глава 2. «Покупки и драки»

Солнечный луч, пробившийся через узкие шторы на окне, неприятно светил в глаза и пришлось просыпаться. Стоп, а откуда солнечный свет в бункере? Открыв глаза и протерев глаза, я обнаружил себя на наблюдательной вышке в обществе пары пустых бутылок околопива в бурых стеклянных бутылках с белой этикеткой, чьей маркой был простой черный полый круг на белом фоне. Очередной повод не брать хмельное. Ладно, не важно.

встав и вернувшись в бункер, я принял горячий душ и задумался о целях на ближайшее время. цель — рынок в Пентаграмме «Вальтерра». Нужно продать хлам, купить нужные мелочи и, что важнее, проверить слухи о новой находке в старых архивах эльфов, может быть, там есть чтонибудь интересное.

во время завтрака я думал о том как бы перестать забывать и откладывать свои задачи на неопределенный срок, в результате придумав просто повесить на одну из стен доску задач. но сперва — пентаграмма.

Снаряжение готовилось на автоматизме, ибо прочный рюкзак, вода, сухари, набор для разжигания огня, набор для очистки воды, аптечка, вяленая кабанятина, составной сегментированный разборный лук, четыре метра троса, два охотничьих ножа с характерными крючками для свежевания, четыре магических мешочка F2/50, соль, перец, литр бензина, баночка нутряного топленого жира, пара чистых тряпок и забавная маленькая книжица под названием «а можно ли это есть?». Стандартный набор скитальца собран.

мешочки занимали основное место на моих боках, прикреплённые к ремню на моем поясе. помимо мешочков на поясе болтались нож и мешочек с вяленой кабанятиной.

Я потянулся, расправляя затекшие за ночь крылья, и острая боль пронзила спину. Холодный ветер на высоте, постоянное напряжение мышц... Идея пришла внезапно, как вспышка. Защита, но не от когтей, а от стихии. Что то вроде налокотников, только на крылья: длинные, гибкие и сохраняющие тепло. Накладки, которые дадут тепло и снимут часть нагрузки с мышц. В частности за обогрев, но это не точно.

Склад конечно давно стоило прибрать от завалов, но это какнибудь потом. Железо отсеклось сразу — слишком тяжелое, а вата и ткани — непрактично, мокнут от всего подряд и не держат форму. Взгляд упал на рулон мягкой, но прочной выделанной кожи, и сверток с овечьей шерстью, которую я выменял когда-то у кочевников-пастухов. то что нужно; Кожа для прочности и формы, шерсть для утепления.

Работа затянула меня с головой. Это был не труд, а танец с иглой и шилом (и собственными деревянными пальцами). Если бы мои руки росли из того места была бы вообще нирвана. Я выкроил по форме крыльев, сшил кожу мешочками, набил их плотно шерстью. Получились своеобразные чехлы-напальчники для маховых передней части крыльев, что рассекала воздух..

Первая примерка разочаровала. Чехлы болтались, грозя слететь при первом же взмахе. Недовольное рычание вырвалось у меня из груди. Получалось криво и ненадежно. Прямо как моя первая любовь в детском садике.

Я снял их и сел думать. Решение нашлось в коробке с ремнями и пряжками, про которые я уже давно забыл по причине забывчивости. Я пришил к основанию каждого чехла прочный ремешок с застежкой. Теперь их можно было плотно зафиксировать вокруг и поперёк крыла, достигая надежного и тёплого соединения.

Вторая примерка была иной. Чехлы сели идеально, как влитые. Я прошелся по дому, сделав несколько взмахов. Крылья стали чуть тяжелее, но тепло и поддержка того однозначно стоили. Удовлетворенная ухмылка тронула мои губы, первая небольшая победа за сегодня. Я умылся, причесался, приоделся, а также я привел себя в порядок, натянул менее поношенную одежду, тщательно спрятал хвост и уши под плащом с капюшоном. Товар что я захватил на

обмен представлял собой томик стихов эльфийского классика (ценится у гномов), сборник любовных романов (для скучающих жен стражников) и увесистый мешочек с зубами тварей самых разных размеров и мастей. Кому-то для украшений, кому-то — для перемола на костную муку.

Ветер снова принял меня в свои объятия. Новые накладки работали безупречно, смягчая холодные потоки. Путь до Вальтерры занял меньше часа.

Внизу проплывали руины особняков, когда-то полных музыки, вина и смеха. Гедонизм умер вместе со своими адептами. Удовольствия больше нет. Есть лишь кратковременное отсутствие боли. Погоня за наслаждением — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Так считают многие, но я получаю удовольствие от мелочей. в этом и смысл гедонизма: не пьянки, а покой и удовлетворение.

Единственная ценность, что осталась, — информация. Знание. Оно не гниет (если книгу конечно не намочить, а то чья то история будет знатно подмочена), его не съест тварь (хотя учитывая что демонические фолианты пишут на коже и оборачивают тоже кожей, съесть вполне реально. Особенно если это конфетное издание детской сказки про конфетную ведьму с обложкой из пастилы и страницами из конфетной бумаги.) Его можно копить, структурировать, передавать. В этом есть холодная, внеличностная цель. Мы, живые, — лишь временные носители. Сосуды для знаний умирающего мира. хотя лично я собиратель и коллекционер, а не какой то там монах. И не смотрите на мою депрессию, просто период такой.

Вальтерра возникла на горизонте, серая и неприступная. Не город, а крепость. Высокие стены возмещенные из металлолома и остовов зданий и кораблей (как они вообще притащили корабль далеко на континент? Этот контейнеровоз такой же здоровенный как мамка моего соседа, если не больше!), опоясанные колючей проволокой под током (из-за чего там часто крадут электричество свои же жители), патрули на башнях (с архаичными стильными луками, магическими винтовками и арбалетами). Ворота — чудо инженерной мысли гномов и эльфов — массивные створки из стали и дуба с выбитой эмблемой гладиолуса. Возле них — давка, очередь на вход, проверка. Благо у меня крылья и я спокойно избежал этого непонятного места приземлившись прямо на улице городка. В пентаграммах было свободно и безопасно, это вам не какой нибудь улей тварей или лабиринт многоруков, это нормальный городок (насколько возможна нормальность при комбинировании магии и технологий всех мастей как в безумном джеке.)

Мое появление не осталось незамеченным. Капюшон скрывал лицо, но рост, походка, сам факт, что я пришел извне, заставляли людей шарахаться. Взгляды, полные страха, подозрения и брезгливости, провожали меня. Чужака. Дикаря. Возможно дебила.

Рынок был сердцем Вальтерры. Не место для жизни, а место для сделок. Галт стоял невообразимый: постоянно кто то кричал, ругался, выкрикивал, подзывал и так далее. Торговля шла всем: от свежих овощей с гидропонных ферм до зачитанных до дыр журналов, от отполированных стволов эльфийских арбалетов (кто до этого додумался не знаю, и не спрашивайте) до ржавых консервов с непонятной датой изготовления. Пахло жареной похлебкой, потом, металлом и магической пылью.

Торг — это ритуал. Зубы ушли первыми — их забрал угрюмый зверолод-ремесленник без лишних слов. А книги вызвали маленький ажиотаж. Стихи ушли жене начальника караула, романы — пожилой торговке. На вырученные монеты я купил то, за чем пришел: пару острых как бритва..., как бы то очевидно не было, бритв, надежное огниво, и главное — новый лук, композитный, легкий и смертоносный, с колчаном полным стрел.

Вдруг они подошли. Мародеры. Типичные гопники улочек объявились когда я уже собирался уходить. Трое и от них пахло самогоном (сваренным судя по всему из их собственных ремней) и глупостью. «Эй, крылатый, покажи, что там под плащом?» «Деньги оставь, мутант». Стандартно и глупо, никакой изобретательности. Даже мутанты которые считают глупыми

ловушки делают. Их ошибка была в том, что они ждали жертвы, а я жертва напичканная кислотой, взрывчаткой и сатирическими шутками. Мой удар ногой в колено (ох да, наконец-то хруст чьей-то кости! Аж бальзам на душу) первому был стремителен. Удар локтем в горло — второму (тот упал без сознания. Слабак, моя учительница выдерживала такое без проблем.). Третий замер в нерешительности, а мой уже обнаженный крис у его глотки убедил его ретироваться (но на всякий и он был отключён ударом в челюсть). Без лишнего шума. Я не стал их добивать — Пустая трата сил, да и жаль руки марать.

Я покинул Вальтерру, даже не оглянувшись. Тяжесть лука за спиной была приятнее, чем тяжесть монет в кошельке.

Обратный путь был наполнен горькими мыслями. Они там, за стенами, не лучше тварей снаружи. Только хитрее (или глупее?). Они торгуют, предают, боятся друг друга. Их «любовь» — это договоренность о взаимовыгодном выживании. Их «истина» — это то, что выгодно сильнейшему в данный момент. Нет правды. Нет любви. Есть только инстинкт и выгода, прикрытые жалкими оправданиями. Впрочем общество и до апокалипсиса не сильно то и любило друг друга.

И вот он — мой утес. Моя скала. Моя тишина и уют. Я вошел внутрь, задвинул камень за собой и сняв одежду, лёг на диван, закрыв глаза. Никаких взглядов. Никаких разговоров. Только я и моя коллекция на моей территории. Как же классно бывает просто отдохнуть.

Глава 3. «Дневник»

Неделя пролетела без особых событий: охота на еще не зараженных животных, заготовка дров на зиму в лесу, ремонт голема-носильщика, который сломался как раз не вовремя, каталогизация новых книг, спи... позаимствованных из заброшенной библиотеки, которую я, как оказалось, обшарил тогда не полностью. Осенние вечера всё длиннее, занятия всё скучнее, мысли всё обширнее. Они кружились в голове, как опавшие листья, не находя выхода. Я ловил себя на том, что просто не могу уловить конкретный смысл многих мыслей и что забываю некоторые детали. Забываю, каким был вкус дикой малины месяц назад. Забываю черты лиц, которые когда-то знал. Мир умирает, а вместе с ним и моя память... Хотя нет, я просто забываю ненужные мелочи. Эти воспоминания просто откладывались в долгий ящик, уступая место более насущным сведениям.

Если я собираю историю всего мира, почему бы мне не записать свою? Дневник интереса ради. Чтобы занять мозг в скуке вечерних посиделок в гордом уединении.

Я обошел свои стеллажи и бесконечные полки с моей коллекцией, ища пустую книгу, тетрадь или что-нибудь подобное. Кубики Рубика, «Основы големной механики», свадебные кольца в коробочках, «Справочник по гидравлике», виложка (или лож-вилка? Ложе-вилка?), фигурка какого-то аниме-персонажа, статуэтка «Бастет», пара выпусков газет трехлетней давности, том эльфийских эпосов соседствовал с человеческим учебником по квантовой физике (понятно в нем было только то, что мой интеллект для него недостаточен) и еще очень много прочих самых разнообразных штук. Все книги, журналы, справочники и блокноты были заняты, хотя было бы странно, если бы я взял пустую книгу. Спустя два часа самокопаний и кучу удивительных находок я нашел ее: толстый кожаный фолиант с пустыми, пожелтевшими страницами. Переплет был потрепан, но цел (кожа — это вам не лакированный картон). Где и зачем я её когда-то взял — не помню. Ну и ладно. Теперь это мой дневник.

А чем писать? С этим оказалось сложнее. Чернила в пузырьке высохли в твердый камушек, а несколько гусиных перьев, найденных в разных концах склада, рассыпались в прах от прикосновения. Книга могла годиться почти максимум на растопку без пишущих принадлежностей. Что ж, опять в город.

Вальтерра встретила меня все тем же серым безразличием. Я направился к лавке писчебумажных товаров. Торговец, тощий человечиска в очках из проволоки и рогов, лишь усмехнулся.

«Чернила? Перья? Милостивый государь, какой век на дворе? У нас есть паста для шариковых ручек, чудом найденная. Цена... высокая».

Я сжал кулаки. Его «высокая цена» была, мягко говоря, завышенной. Он знал, что альтернатив нет. Мы препирались и торговались несколько минут, а его наглый тон все сильнее раскалял меня изнутри.

Выйдя из лавки с драгоценной, купленной за полцены банкой черной гелевой пасты и парой стальных перьев, я сразу почувствовал на себе недобрые взгляды. Те же трое, видимо, урок им не пошел впрок. «Смотри-ка, писатель объявился!» — кто-то грубо схватил меня за плащ. Прекрасный повод выпустить стресс. Хруст кости, хрип, крики боли. Через тридцать секунд они лежали в сточной канаве, оmyаемые отходами, а я, тяжело дыша, стоял над ними, чувствуя, как дрожат мои руки от разрядки.

Подошла стража. Двое мужчин в доспехах из кожи, металлолома и вставок допотопной брони. Я не стал убегать или оправдываться, кратко и без эмоций я объяснил: напали, оборо-

нялся. Один из стражников, старый ветеран с шрамом через глаз, посмотрел на лежащих гопников, потом на меня.

«Эти трое уже всех достали. Но в следующий раз кричи — стража рядом. Нужно избавляться от проблем официально.» В его голосе не было злобы. Просто уставший мужик.

Дорога назад показалась вечностью. Да и чертов дождик моросит...

Вернувшись в свой бункер/пещеру/убежище, я отряхнулся, как лис. Поставил чайник (спасибо эльфу с северного аванпоста за подарок), заварил чай. Только тогда, в свете одинокого светящегося кристалла, сел за стол, открыл пустой фолиант и вставил стержень в металлическое перо. Первая, пустая страница смотрела на меня белым вызовом. Я не знал, что писать.

Я выдохнул и начал писать, выводя угловатые, но четкие буквы. Надо будет больше практиковаться в письме...

«Сегодня, первое ноября 2256 года, я начинаю эту хронику. Не знаю, зачем: может, от скуки, может, для потомков, а может быть, для себя. Мир умер не в один день, Эльдрад не в один день строился. Сначала это были новости: „Беспорядки в пригородах“, „Население страдает от неизвестной болезни“, „нападения на врачей“. Потом новости смолкли, как и интернет, кабельное, спутниковое и в некоторых местах голубиная связь. Потом по небу летели не корабли, а груды горящего металлолома. По улицам ходили не люди, а окровавленные монстры. Темно-пепельная кожа обтягивала неестественно тонкие и длинные конечности, торсы и кости, часто выступающие под кожей. Мутации у зараженных были самыми разными: хитин, мощные челюсти, руки-лопатки, дополнительные конечности. Я помню, как люди называли это „зомби-апокалипсисом“ в своих старых фильмах. Только то, что происходит сейчас, больше подходит под „мутанто-калипсис“. Я был в тот день на дальнем маршруте. Когда вернулся, понял, что мне никто не заплатит — начальник доедал клиентов.»

Я оторвался от текста. Зачем я это пишу? Чтобы не сойти с ума... Я и не схожу. Чтобы доказать, что хоть одно сознание в этом аду еще способно фиксировать реальность? Тут таких, как я, много. Чтобы оставить след. Даже если его никто не увидит. Нет, это просто якорь рутины. Монашеская летопись #####.

Я закрыл дневник и встал. Пришло время ужина. Процесс был простым и успокаивающим: нарезать мясо, разжечь огонь, сварить солянку. Немного эстетики приготовления еды — мерный стук ножа по дощечке, звуки нарезания салями и овощей, бурление бульона в казане. В тишине кухни я чувствовал не пустоту, а странное умиротворение. Сегодня я не просто выжил. Сегодня я оставил свой след. И вкусно поужинал.

Глава 4. «Хмм, яблоки.»

Взгляд вновь зацепился за нее — за серую, каменную, пустую, безжизненную и меланхоличную стену напротив рабочего (да и не только рабочего) стола. Она была как чистый лист в конце дневника, только больше, размером три на четыре метра камня и бетона. На фоне моих стеллажей и коллекции в соседней комнате она мозолила глаза своей однообразностью. И тогда пришла идея: нужно ее заполнить. Не книжной полкой или очередным стеллажом с «зверолоудской лапшой» на 1 000 000 кельвинов, не оружием или припасами. Чем-то интересным. Картиной.

Я нашел обрывок старой бумаги и кусочек угля. Вышел на площадку со стулом, сел спиной к ветру и попытался перенести на лист вид на ущелье, лес, закат и пентаграмму вдали. Рука, привыкшая держать оружие, выводить буквы, листать книги или таскать коробки, отказывалась слушаться. Линии выходили кривыми, пропорции плясали как на нордской свадьбе.

Результат был... таким себе. Деревья походили на кривые палки в растрепанном парике, река — на жирную змею, а скалы — на бесформенные кучки. Это не было искусством или хотя бы красивым. Я отложил листок подальше.

Я спустился в хранилище и начал рыться в ящиках, среди полок и стеллажей, где хранились малопонятные артефакты «для будущего». Провода, осколки кристаллов, электронные компоненты, пара поршней от какой-то гидравлической системы, магические палочки... Наконец-то нашел. Маленький, потрескавшийся деревянный ящичек. Внутри — баночки с красками, несколько кисточек с потрепанным ворсом и пузатая глиняная баночка для воды.

Пока я искал, мои пальцы наткнулись на сверток, бережно завернутый в промасленную ткань. Внутри лежали три небольшие картины в простых рамах. Я отнес их наверх и расставил на столе, всматриваясь.

Первый пейзаж — заснеженные пики, пронзающие облака. Я вспомнил свой первый полет так высоко. Восторг свободы, пьянящий холод разреженного воздуха... и внезапный шквал, что швырнул меня на скалу. Было чертовски больно, но оно того стоило. Я и сейчас люблю летать очень высоко.

Второй — бескрайнее поле под ласковым солнцем, одинокий дуб на пригорке. Я подумал об одиночестве. То, что в городе было гнетущим и враждебным, здесь, на картине, выглядело как умиротворенное уединение. Возможно, все дело в выборе. Одиночество — когда тебя брошили. Уединение — когда ты сам ушел. Надо будет котика что ли завести...

Сама собой пришла мысль о яблоках.

Кажется, что может быть проще этого плода, ставшего символом искушения, здоровья и вечной жизни в мифах и сказках человечества. Его образ так привычен, что мы редко задумываемся о невероятной сложности, скрытой под гладкой, упругой кожурой. Вкус яблока — это не статичная величина, не просто сладость или кислота. Это целая вселенная, находящаяся в постоянном движении, история, которая пишется от момента появления завязи на ветке до той секунды, когда кусочек падает в сахар или касается раскаленной сковороды. Это одиссея

вкуса, путешествие от резкой, почти древесной зелени до медовой, парфюмерной сложности выдержанного плода или теплой, уютной сладости пирога.

В начале своего пути, когда яблоко — лишь крошечная, едва заметная завязь, его вкус — это воплощение самой жизни в ее сыром, необузданном виде. Откусить такой плод — предприятие для смелых. Вязкая, дубильная терпкость мгновенно обволакивает язык, вызывая ощущение стянутости и сухости. Это работа танинов, тех самых соединений, что придают характер горьковатой глубины молодому вину и крепкому чаю. Кислота здесь — не просто цитрусовый отзвук, а агрессивная, зеленая, пронзительная нота, от которой сводит скулы. Сахар еще дремлет, его следы почти неуловимы. Этот вкус — гимн потенциалу, суровое обещание будущей славы. Он несет в себе энергию роста, солнца и дождя, преобразованную в химически чистую, почти абстрактную крепость.

По мере созревания в плоде запускается величественный симфонический оркестр химических превращений. Крахмал, накопленный как стратегический запас энергии, под действием ферментов начинает расщепляться на простые сахара — фруктозу, глюкозу, сахарозу. Их концентрация нарастает, подобно крещендо в музыкальном произведении, смягчая былую резкость. Кислоты — в основном яблочная, с легкими нотами лимонной и винной — никуда не деваются, но их яркий свет теперь фильтруется через сладкую призму. Возникает баланс, та самая знакомая «кислинка», которая не раздражает, а освежает, подчеркивая и оттеняя сахар.

Аромат, этот неотъемлемый компонент вкуса, также претерпевает метаморфозу. Летучие органические соединения — сложные эфиры и альдегиды — начинают испускать свой букет. В зависимости от сорта, это могут быть нотки свежескошенной травы, тропических фруктов (банана, ананаса), ягод (клубники, малины) или даже винные, пряные оттенки. Вкус спелого яблока — это уже не просто «сладко-кисло». Это многоголосие: глубокая сахарная основа, пронизанная игривыми островками кислотности и окутанная облаком тончайших ароматов. Хрустящая, сочная текстура становится финальным, виртуозным аккордом в этой симфонии, высвобождая сок, который и является проводником всего этого великолепия.

Но жизнь яблока не заканчивается в момент его идеальной спелости. Если дать ему перезреть, история вкуса получает новую, меланхоличную главу. Крахмал полностью исчезает, и сахар становится доминирующим, иногда даже приторным. Кислота угасает, лишая вкус структуры и живости. Клеточные стенки начинают разрушаться, мякоть из хрустящей и упругой превращается в мучнистую, рыхлую. Ароматы из ярких и свежих становятся тяжелыми, забродившими, появляются оттенки сухофруктов и даже легкий алкогольный оттенок. Это вкус увядания, но в нем есть своя, глубокая прелесть — он напоминает о спелости, перешедшей в мудрость, о сладости, которая вот-вот превратится в укус.

Именно на этой стадии, а также на пике зрелости, человек вмешивается в естественный ход событий, чтобы написать свою, кулинарную главу яблочной саги. Термическая обработка — это революция, кардинально перекраивающая вкусовую палитру плода.

Жарение, запекание, тушение — все это запускает два фундаментальных процесса: карамелизацию и реакцию Майяра. При нагревании сахаров до высоких температур они карамелизуются, рождая целый каскад новых вкусоароматических соединений. Появляются глубокие, теплые ноты ириски, карамели, орехов, сушеных фиников. Реакция Майяра между сахарами и аминокислотами порождает еще более сложный букет — появляются оттенки выпечки, поджаристости, тоффи, легкой дымности. Кислота, столь яркая в сыром плоде, под воздействием

тепла смягчается, ее резкие грани сглаживаются, и она превращается в нежный, почти незаметный фон, который лишь поддерживает сладость, не позволяя ей стать плоской.

Текстура также преобразуется радикально. Твердые клеточные стенки разрушаются, пектин растворяется, и мякоть становится мягкой, нежной, тающей. В блюдах вроде яблочного пюре или повидла яблоко и вовсе теряет свою физическую форму, превращаясь в однородную, бархатистую массу, где вкус становится концентрированным, густым и целостным.

Особняком стоит процесс сушки. Лишенное влаги, яблоко проходит через обезвоживание, в результате которого все его вкусы и ароматы многократно усиливаются. Сладость становится концентрированной, почти цукатной, кислота — более выраженной, но не агрессивной. Возникают новые оттенки — меда, цветов, сушеных трав. Вяленое яблоко — это квинтэссенция его собственной сущности, вкус, лишенный водянистости, чистый и интенсивный.

Таким образом, яблоко предстает перед нами не как некий монолитный объект с фиксированным вкусом, а как живой, динамичный организм, чья вкусовая идентичность находится в постоянном движении. От терпкой, аскетичной зелени юности, через гармоничный, многогранный расцвет зрелости, к медовой, увядающей сладости старости — и далее, в горнило кулинарных трансформаций, где оно обретает вторую, теплую и глубокую жизнь. Вкус яблока — это история о времени, о химии, о превращениях. Это напоминание о том, что даже в самом простом и привычном может скрываться бездна сложности, стоит лишь откусить не один, а множество кусочков, проходя вместе с плодом все стадии его удивительной одиссеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.